ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3
УДК 338.24
JEL B10, B13, B59

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса[1]

Сергей А. ТОЛКАЧЕВ ✉
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Толкачев, С. А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса. *AlterEconomics, 22*(1), 22–39.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3

Аннотация. Кризис существующей экономической теории мэйнстрима длится уже более 50 лет, но самые последние мирохозяйственные сдвиги добавляют ему дополнительные качественные черты, характеризующие не только полное отсутствие практико-прогностической функции, но и неадекватность его когнитивного арсенала новым реалиям. Нарастающий набор рисков и трудностей глобального экономического развития, являющийся следствием перехода к новому мирохозяйственному укладу, не находит ни малейшего отклика ни в понятийном аппарате, ни в концептуальном потенциале мэйнстрима. Догматизм сложившегося теоретического каркаса базовых положений неоклассической экономической теории принял самодовлеющий характер, отвергающий попытки модернизации даже в рамках существующей парадигмы. Один из наиболее критических примеров несоответствия неоклассических представлений и реальной экономики — парадокс инноваций или провал теорий роста производительности за счет вложений в инновации. Представители мэйнстрима не в состоянии дать ему объяснение, не выходящее за пределы ограниченного неоклассического мировоззрения, игнорируя главные мирохозяйственные причины. Обобщены основные онтологические расхождения неоклассической догматики и реальных экономических процессов. К ним относятся: 1) внеисторический универсализм, игнорирующий закономерности стадиального мирохозяйственного развития; 2) неспособность выработать новый онтологический подход к фундаментальной проблеме власти в экономике; 3) отсутствие потенциала качественных обобщений процессов, порождаемых новой промышленной революцией. Попытки модернизации мэйнстрима, предпринимаемые в рамках проекта CoreEcon, построены на привлечении некоторых дополнительных теоретических конструкций, придающих новому курсу «Экономика» видимость динамизма и актуальности, но при сохранении в целом прежнего догматического каркаса. Предложены онтологические и методологические траектории поиска нового ценностного ядра экономической теории: 1) отказ от неадекватного новым реалиям принципа методологического индивидуализма; 2) отказ от принципа «рыночного супрематизма» в обоих его содержательных смыслах; 3) переосмысление основополагающего принципа экономической эффективности.

Ключевые слова: ортодоксия, экономический мейнстрим, неолиберализм, политическая экономия, мирохозяйственный уклад, технологический уклад, инновации, производительность

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

[1] © Толкачев С. А. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis

Sergei A. TOLKACHEV ✉
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

For citation: Tolkachev, S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis. *AlterEconomics, 22*(1), 22–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3

Abstract. The crisis of mainstream economic theory has persisted for over 50 years, but recent global economic shifts have added new qualitative features, highlighting not only the theory's lack of practical and predictive value but also the inadequacy of its cognitive tools in addressing new realities. The growing risks and challenges of global economic development, driven by the transition to a new world economic structure, are not reflected in the mainstream's conceptual framework and potential. The dogmatism inherent in neoclassical economic theory has become self-perpetuating, rejecting even attempts at modernization within the existing paradigm. A prime example of the disconnect between neoclassical theory and real-world economics is the innovation paradox, or the failure of productivity growth theories based on innovation investments. Mainstream economists are unable to explain this phenomenon without resorting to the narrow confines of neoclassical thinking, overlooking key global economic factors. This paper summarizes the ontological discrepancies between neoclassical dogma and real economic processes, including: 1) extra-historical universalism, which disregards the stages of world economic development; 2) the inability to develop a new ontological approach to the issue of power in the economy; and 3) the lack of potential for meaningful generalizations about processes driven by the new industrial revolution. Attempts to modernize the mainstream, such as those made within the CoreEcon project, introduce additional theoretical constructs, giving the new course "Economics" the appearance of dynamism and relevance. However, these efforts largely retain the same dogmatic framework. The paper proposes ontological and methodological paths for identifying a new value core for economic theory, including: 1) rejecting the principle of methodological individualism, which is inadequate for contemporary realities; 2) abandoning the principle of 'market supremacy' in its various forms; and 3) rethinking the fundamental principle of economic efficiency.

Keywords: orthodoxy, economic mainstream, neoliberalism, political economy, world economic mode, technological mode, innovation, productivity

Acknowledgments: The article presents findings from research supported by the state assignment of the Financial University.

Экономика всё больше превращается в заумную отрасль математики, а не занимается реальными экономическими проблемами
Милтон Фридман

Экономика в том виде, в каком ее преподают в американских высших школах… свидетельствует о триумфе идеологии над наукой
Джозеф Стиглиц

1. Введение

Эпиграфы к статье, принадлежащие именитым представителям двух ведущих, но противоположных школ американской экономической мысли — основоположнику монетаризма М. Фридмену и кейнсианцу Дж. Стиглицу — с разных сторон отмечают два хорошо известных недостатка неоклассической экономикс как господствующей уже в течение 75 лет ортодоксальной школы экономической тео-

рии. Об этих недостатках стали активно говорить еще с начала 1970-х гг. на фоне развернувшейся в США стагфляции, и, таким образом, мы уже миновали полувековой юбилей кризиса экономикс. Однако с каждым следующим знаковым событием мирохозяйственного развития, включая финансовый кризис, Великую рецессию 2008–2009 гг. и последующий длящийся по сегодняшний день период деглобализации, турбулентности и «новой нормальности», кризис неоклассической экономикс, не дающий адекватные ответы на радикальные изменения окружающего мира, приобретает все новые характеристики.

В самые последние годы, когда развернувшийся кризис американо-центричного мирового устройства (мирохозяйственный кризис) стал очевиден для подавляющего большинства ученых-обществоведов, включая тех, кто не признает методологию мирохозяйственного развития или концепцию мировых циклов накопления капитала Дж. Арриги (2006), концептуальная неадекватность и бесплодность неоклассического мейнстрима приобретают настолько выпуклые и гротескные формы, что, пожалуй, уже угрожают месту и положению самой экономической теории в системе общественных наук. Необходимость радикального изменения и онтологического базиса, и методологической надстройки теоретической экономической науки становится настоятельной и безотлагательной для сохранения как самой науки, так и огромного академического слоя ученых и профессоров-преподавателей, идентифицирующих себя в данной отрасли знаний. В связи с этим в данной статье мы постараемся обобщить и выделить основные онтологические проблемы кризиса экономической теории мейнстрима и наметить пути их разрешения. Однако вначале дополнительно проблематизируем вопрос об онтологическом расхождении экономической теории и практики.

2. Экономическая теория и практика: обрушение моста

Как остроумно выразился известный гарвардский профессор Н.Г. Мэнкью в своей нашумевшей статье почти 20-летней давности: «Экономисты любят изображать из себя ученых» (Mankiw, 2006, p. 29), подразумевая под тенденцией «онаучивания» десятилетиями накапливающиеся пласты неоклассической теории, состоящие из бесконечных эконометрических упражнений, возводящих бескрайний «защитный пояс» моделей, обосновывающих лаконичный набор базисных положений «жесткого ядра» либеральной и неолиберальной направленности. Выделяя в экономикс как позитивную, так и нормативную (инженерную) части экономической профессии, Н. Мэнкью показал, что все последующие «наслоения» на базовые положения неоклассической парадигмы, введенные патриархом неоклассики П. Самуэльсоном в первом издании учебника 1948 г., не имели успеха ни в теории, ни в практическом «инженерном» применении. Н. Мэнкью с удивлением и сожалением констатирует, что содержание современных учебников «Экономикс» мало чем отличается от легендарного учебника Самуэльсона, несмотря на целый вал новых теоретических конструкций, разработанных за несколько десятков лет.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку оно означает признание самодовлеющего характера сложившегося теоретического каркаса базовых положений экономической науки, отвергающих попытки модернизации даже в рамках существующей парадигмы.

Набор этих базовых положений хорошо известен — эффективность частной собственности и конкурентных рынков, ограничение роли государства, глобаль-

ное разделение труда и международная специализация, ведущая к росту внешней торговли, положительная связь между инвестициями и экономическим ростом, между инновациями и инвестициями.

Сложившиеся стандарты «научности» экономических исследований, продлевающих и углубляющих отрыв теории от практики, строго поддерживаются в самых престижных теоретических журналах по экономике. Несмотря на старательное желание «деканской команды» экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова показать в обстоятельной статье (Аузан и др., 2023) отсутствие доминирования неоклассики в экономическом образовании и экономических журналах Запада, сами американские профессора не поддерживают это мнение. «Тирания» ведущих западных научных журналов, самих задающих стандарты научности, сводится по меткому выражению профессора Массачуссетского университета Дж. Гхош к «тривиальным занятиям», когда «слишком много ведущих научных журналов публикуют запутанные статьи, добавленная стоимость которых заключается в ослаблении одного небольшого допущения в модели или использовании немного другого эконометрического теста. Элементы, которые труднее смоделировать или которые порождают неудобную правду, просто исключаются, даже если они способствовали бы более эффективному пониманию экономической реальности» (Ghosh, 2024, p. 23).

Два основных направления неоклассического мейнстрима — либеральное и неолиберальное — несколько расходятся в отдельных ценностных компонентах методологического «ядра», умещаясь в его основных границах. Например, классические либералы кейнсианско-рузвельтианского разлива, сформировавшиеся в 1930–1940-х гг. на волне успеха политики государственного активизма, направленной на спасение рыночно-капиталистической системы, благосклонно относятся и к повышению доли госсектора в экономике, и к росту государственного регулирования, и к строительству социального государства, оставаясь при этом безусловными сторонниками рыночной экономики как безальтернативной модели общественного устройства. Просто они верят в прогрессивность и успешность политики «тонкой» настройки рынков со стороны государства.

Неолиберальное крыло мейнстрима, доминировавшее с начала 1980-х гг. до самых последних лет, гордилось своим истовым рыночным пуризмом как знаком некоего интеллектуального превосходства над либералами-вероотступниками, подобно тому, как первые лютеране и кальвинисты чувствовали свое моральное превосходство над скомпрометированными поклонниками традиционной римско-католической церкви. Неолибералы достраивали в мейнстриме этажи всемерных рыночных свобод в виде сокращения роли государства во всех сферах, особенно в социальной сфере, обосновали либерализацию финансовых рынков и глобализацию, которая, по их мнению, привела к росту благосостояния всех стран мира, пусть и в неравной мере.

Однако затянувшийся глобальный кризис после событий Великой рецессии 2008–2009 гг., в очередной раз высветивший неадекватность как экономической картины мира, описываемой в мейнстриме, так и регулятивных инструментов воздействия на экономику, подвигает к фундаментальному переосмыслению места и роли теоретической экономической науки. Профессор Гарварда Д. Родрик четко подмечает принципиальную ограниченность конкретных рекомендательных возможностей экономической теории: «… экономическая дисциплина — это, скорее, способ мышления, а не набор стратегических рекомендаций. Инструменты

современной экономической науки позволяют сделать крайне мало обобщений, на основе которых можно предложить неотложные рекомендации в области экономической политики. … мышление категориями будущего, увязывание стимулов для частного сектора с социальными издержками и выгодами, устойчивость бюджета и стабильность денег, по сути являются абстрактными идеями, на основе которых трудно предложить уникальные рецепты» (Rodrik, 2024, p.10).

Новая промышленная революция и слом модели политического мироустройства, обсуждаемые ныне повсеместно, еще более усиливают необходимость пересмотра положения экономической теории в системе общественных наук. Ведь именно разваливающийся политический и экономический миропорядок, сформировавшийся в эпоху Бреттон-Вудса и, казалось бы, достигший расцвета в эпоху глобализации 1990–2000-х гг., лишает экономическую теорию того статуса самой «научной» общественной науки, который был достигнут во времена расцвета этих эпох, когда бесчисленные эконометрические модели как бы «научно обосновывали» экспансию рыночных свобод на все большее количество социальных взаимоотношений. При этом так и не отвеченным остается фундаментальный вопрос сродни тому, который Королева Великобритании Елизавета Вторая задала академикам Лондонской школы экономики в ноябре 2008 г. — почему вы все не предвидели финансовый кризис? Этот вопрос можно трансформировать в более общий — почему экономические модели смешанной экономики наиболее развитых стран Запада, якобы сочетающие в себе, как любил говорить Дж. К. Гэлбрэйт, паруса рыночной инициативы и штурвал государственного управления, оказались бессильны перед лицом новых вызовов, возникших перед человечеством в XXI в. — глобальное потепление и «зеленый переход», цифровое неравенство и дезинформация, технологические разрывы в развитии разных стран и сопутствующие миграционные процессы, наконец, геостратегическая разбалансированность на фоне опережающего развития Китая и других азиатских стран.

Для наглядного очерчивания расхождений между экономической теорией и практикой обратимся к последнему докладу Всемирного экономического форума 2024 г. (World Economic Forum, 2024), где проанализированы возможные глобальные риски во взаимосвязи между четырьмя системными элементами глобального ландшафта:

— изменение климата: траектории глобального потепления и связанных с ним последствий для систем Земли;

— демографическая бифуркация: изменение численности, роста и структуры населения во всем мире;

— технологическое ускорение: пути развития передовых технологий;

— геостратегические сдвиги: материальная эволюция в концентрации и источниках геополитической власти.

Социальная поляризация и экономический спад рассматриваются как наиболее взаимосвязанные и влиятельные риски в глобальной сети рисков, о чем свидетельствуют размеры соответствующих кругов (рис.1).

К системному риску экономического спада тесно привязаны риски инфляции, нарастания задолженности, нелегальной экономической активности, разрывов цепочек поставок и даже ограничений трудовых ресурсов. А риск социальной поляризации переплетается с экономическим спадом, помимо вышеперечисленных

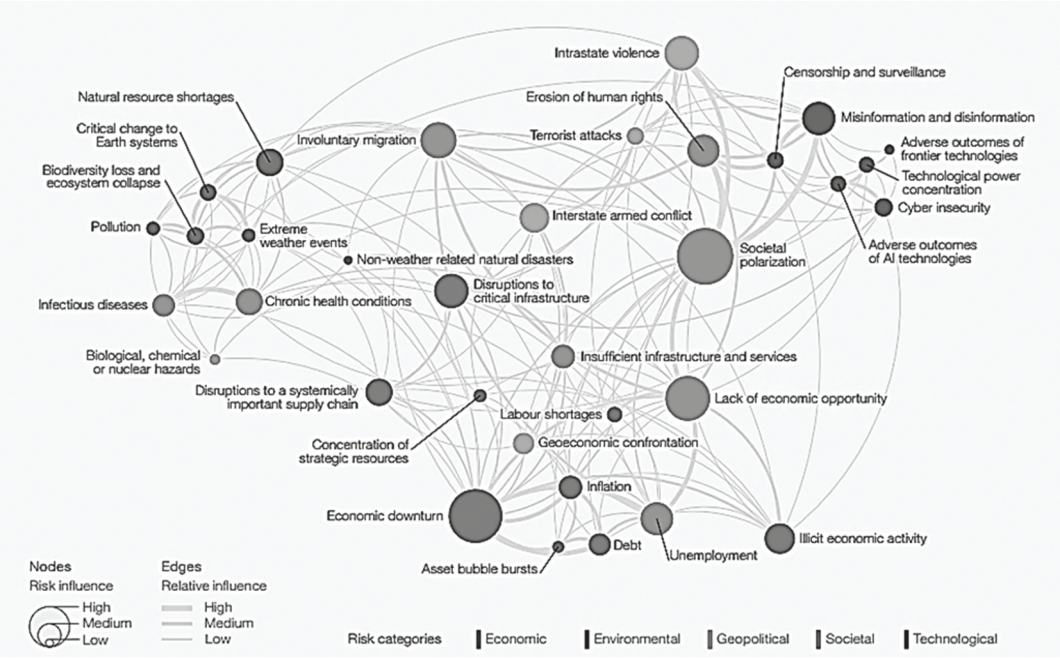

Рис. 1. *Глобальная сетевая система рисков мирового развития на ближайшие годы (источник: World Economic Forum. The Global Risks Report 2024. https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 10.12.2024))*

Fig. 1. *Global Network Risk System for World Development in the Nearest Future*

рисков, еще и через безработицу, нехватку экономических возможностей населения, недостаточный уровень развития инфраструктур и услуг.

Тем самым экономические практики выделяют экономический спад или, даже точнее, долговременную тенденцию спада как главную проблему, несмотря на фундаментальную направленность неоклассической теории именно на решение проблем экономического спада и цикла. Данный нюанс лишний раз подтверждает, что множество устоявшихся и десятилетиями отшлифованных причинно-следственных связей в экономической теории мейнстрима не подтверждаются в последние годы и подлежат радикальному переосмыслению. Отметим одно весьма популярное в прошедшие десятилетия, но также скомпрометированное научное направление мейнстрима.

3. Кейс: Провал теорий инноваций и производительности

Одно из любимых выпестованных детищ неоклассической теории в эпоху глобализации — это теория инновационного развития, сводящаяся к положительной связи между инновациями и производительностью и темпами экономического роста. Долгое время существовало и подтверждалось бесчисленными эконометрическими исследования вполне логичное предположение, что увеличение инвестирования в исследования и разработки — это верный способ стимулировать инновации, повышать производительность, создавать новые рабочие места и обеспечивать экономический рост. Инновации как источник экономического роста рассматривались как непреложная экономическая истина абсолютного свойства, проникшая в азбуку экономической грамотности, в любые учебники по эко-

номике для начальных курсов. При этом длительное время игнорировались неприятные факты, не подтверждавшие эту «надежную» экономическую мудрость. Рассмотрим их далее.

США за последние четыре десятилетия резко увеличили расходы на НИОКР. В 1980-х гг. общие инвестиции США в НИОКР составляли 2,2 % от ВВП, а к 2022 г., согласно Национальному научному фонду, — 3,4 %. При этом частные расходы предприятий на НИОКР выросли более чем вдвое, с 1,1 % до 2,5 % ВВП (рис. 2). Именно частные корпоративные расходы являются надежным ориентиром инновационности и производительности, ибо, в отличие от государственных расходов, направляемых в основном в фундаментальную науку, корпорации, как научили всех нас лидеры неоклассической экономикс, тратят свои кровные деньги осознанно и целенаправленно на прикладные исследования, ведущие к росту конкурентоспособности.

Согласно традиционным экономических моделям, такой прирост расходов на НИОКР должен был привести как к ускорению экономического роста, так и к увеличению любых показателей производительности, однако факты говорят об обратном. «В период с 1960 по 1985 год производительность росла в среднем на 1,3 процента. В течение последующих трех с половиной десятилетий темпы роста производительности упали ниже этого среднего показателя, за исключением кратковременного всплеска в начале 2000-х годов, и ежегодный рост в целом замедляется» (Akcigit, 2024, p. 33).

Наглядное представление замедления роста как производительности труда, так и совокупной факторной производительности дано на рисунке 3.

В подтверждение приведем другой источник. Согласно статистике ФРС США, ежегодные темпы роста производительности труда в обрабатывающей промышленности с 1987 г. демонстрируют явно затухающую тенденцию, если мы исполь-

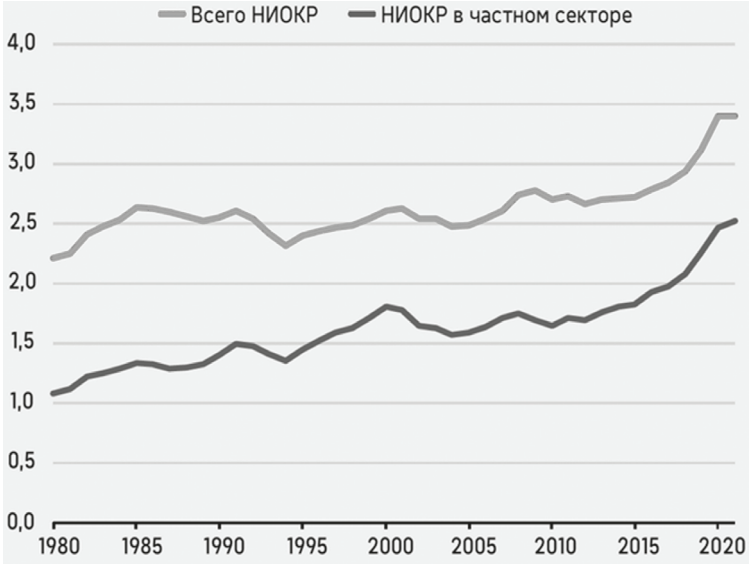

Рис. 2. *Общие (светло-серая линия) и частные (темно-серая линия) расходы на НИОКР в экономике США, в % от ВВП (источник: (Akcigit, 2024))*

Fig. 2. *Total (Light Grey Line) and Private (Dark Grey Line) R&D Expenditures in the U.S. Economy as a Percentage of GDP*

Рис. 3. *Ежегодные темпы роста производительности труда и совокупной факторной производительности в экономике США, 1950–2023, % (источник: (Peters, 2024))*
Fig. 3. *Annual Labor Productivity and Total Factor Productivity Growth Rates in the U.S. Economy, 1950–2023 (%)*

зуем показатель «совокупный годовой темп изменения производительности» (Compounded Annual Rate of Change) (рис. 4). Показатели данного рода сглаживают эффект волатильности отдельных годовых значений и особенно полезны для сравнения темпов роста в течение продолжительных периодов времени.

Околонулевые темпы прироста производительности с 1991 по 2007 гг. переходят в стабильно отрицательную зону начиная с кризиса 2008 г.

Поскольку американская экономика давно гордится своей «постиндустриальностью», где промышленность рассматривается как отживающий и уходящий сектор, рассмотрим более широкий показатель совокупной факторной производительности всей экономики США.

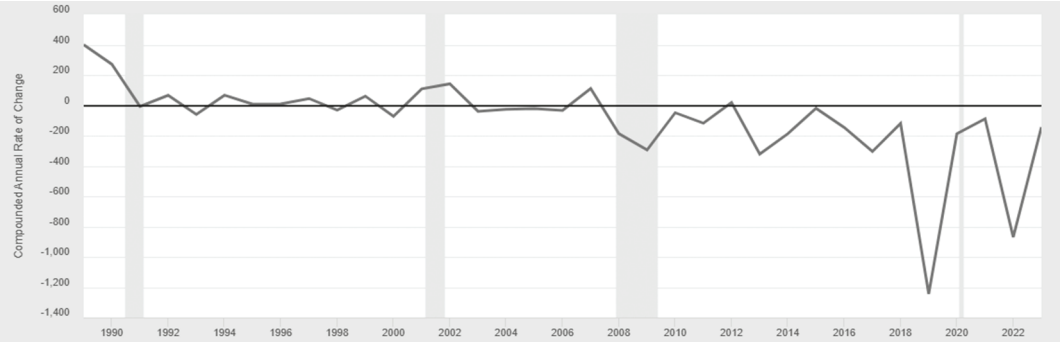

Рис. 4. *Совокупный годовой темп изменения производительности труда в обрабатывающей промышленности США, 1989–2023 гг. (источник: Manufacturing Sector: Labor Productivity (Output per Hour) for All Workers. https://fred.stlouisfed.org/series/PRS30006092# (дата обращения: 10.12.2024))*
Fig. 4. *Aggregate Annual Labor Productivity Growth Rate in U.S. Manufacturing, 1989–2023*

Данные на рисунке 5 четко показывают, насколько слабы в целом ежегодные положительные импульсы роста производительности в период, начавшийся после 2005 г. (за исключением 2010-го как года послекризисного роста после завершения Великой рецессии 2008–2009 гг.) по сравнению с предшествующим 20-летним периодом 1985–2005 гг., не говоря уже о бурных темпах роста производительности в 1950–1960-е гг.

Но нам еще более интересны объяснения замедления роста производительности со стороны представителей мейнстрима. Тот же М. Петерс вполне в русле стандартов экономического мышления неоклассики пишет: «Интуиция подсказывает, что совокупная производительность может быть низкой либо потому, что используемые предприятиями технологии неэффективны, либо потому, что из-за несовершенства рынка компании, обладающие высокопроизводительными технологиями, не могут вытеснить менее эффективных конкурентов» (Peters, 2024, p. 21). И далее автор находит подтверждения этим процессам в американской практике в виде замедления динамичности американского бизнеса (снижения доли новых компаний на рынке) и повышения среднего размера компаний, что говорит о росте концентрации. И то, и другое, по мнению автора, замедляет производительность, т. к. свидетельствует о снижении инновационной активности и росте монополистических проявлений.

М. Петерс ссылается на знаменитую концепцию созидательного разрушения Й. Шумпетера, согласно которой именно новые предприятия разрабатывают инновационные технологии с намерением вытеснить существующих производителей и забрать их долю рынка.

Однако далее автор входит в логическое противоречие с самим собой. Он утверждает, что одной из причин общего характера замедления производительности является «изменения в процессе распространения знаний» (наряду с информационной революцией, демографическими факторами, ростом государ-

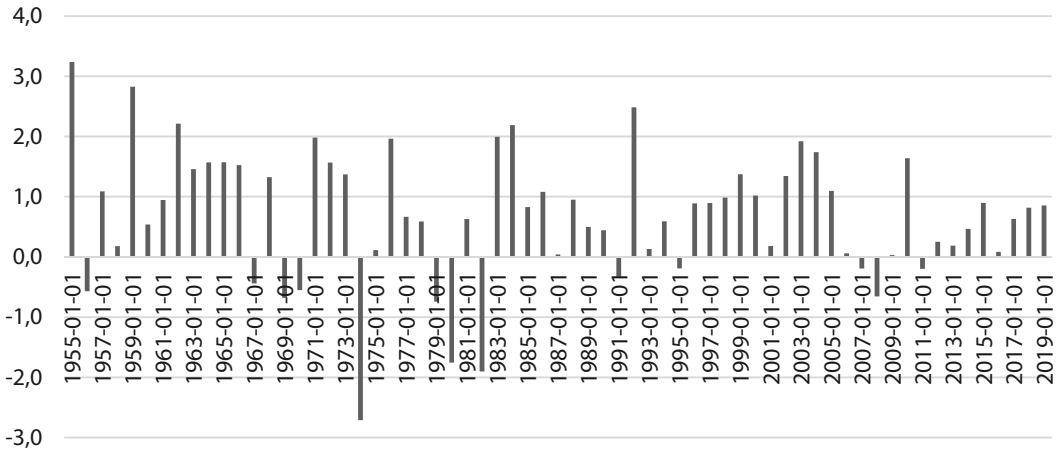

Рис. 5. *Гистограмма значений совокупной факторной производительности экономики США как совокупный годовой темп изменений в постоянных ценах, 1955–2019 гг., % (источник: построено автором на основе: Total Factor Productivity at Constant National Prices for United State. https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNAUSA632NRUG#0 (дата обращения: 10.12.2024))*

Fig. 5. *Histogram of Total Factor Productivity in the U.S. Economy as an Aggregate Annual Rate of Change at Constant Prices, 1955–2019 (%)*

ственного регулирования бизнеса). Эти изменения сводятся к тому, что лидеры технологий, такие как Google или Apple, «ушли настолько далеко вперед, что их конкуренты меньшего масштаба просто не в состоянии взять на вооружение их технологии» (Peters, 2024, p. 23). Тем самым технологическая конкуренция со стороны новых компаний невозможна.

Здесь возникают следующие вопросы. Если М. Петерс (а вместе с ним и вся неоклассическая экономическая наука) исходят из конкуренции со стороны новых и обязательно малых инновационных фирм как двигателе производительности, в противоположность большим компаниям, злоупотребляющим своим монопольным положением, и в то же время признают невозможность этой конкуренции из-за технологической несостоятельности «новых и малых» фирм, то он явно впадает в «онтологическую биполярность», т. к. второе положение исключает первое. Тогда нужно определиться, на каком онтологическим базисе зиждется ваше экономическое мировоззрение: либо абстрактная конкуренция «хорошего нового и малого» против «большого и плохого», либо признание крупных корпораций в качестве естественного элемента экономической азбуки той системы, в которой вы живете.

Во-вторых, развивая привычную неоклассическую линию абстрактной конкуренции как локомотива прогресса, инноваций и производительности, М. Петерс почему-то не обращается к вышеотмеченному парадоксу расходов на инновации, когда рост последних не привел к росту производительности. Очевидно, что львиную долю затрат на НИОКР несут именно крупнейшие американские технологические компании, те самые сверхкрупные сверхконцентрированные «монстры», которые на порядки опережают ближайших конкурентов по своему потенциалу. «Новые и малые» фирмы не способны осуществлять такие массовые инновационные расходы, если только они не встроены в сетевую кооперацию с теми же самыми крупнейшими компаниями.

Наконец, рассуждая о конкуренции «новых» и «старых» американских технологических компаний, М. Петерс почему-то не прибегает к реалиям глобальной конкуренции, где его абстрактные представления о «инновационных новичках» получат более адекватное воплощение. Разве, например, феномен Huavei не соответствует образу такой шумпетеровской новой инновационной компании, вступившей в конкуренцию со старыми лидерами и отобравшей у них значительную долю рынка? Данное обстоятельство объясняет, пожалуй, главную причину снижения производительности американской экономики — снижение объемов глобальных рынков сбыта и соответствующее уменьшение производительного потенциала эффекта масштаба, являющегося главным условием «превращения инноваций в производительность».

Так, в работе Е.В. Балацкого и М.А. Юревича (2020) показано, что если рост капиталовооруженности приводит к ускоренному росту производительности труда, то только в этом случае технический прогресс ускоряет сам экономический рост. Введенное им понятие «технологический эффект масштаба» редуцируется к переменной θ, означающей связь между капиталовооруженностью и производительностью труда. При $\theta > 1$ рост расходов на инновации, так или иначе воплощающийся в росте капиталовооруженности, приводит к опережающему росту производительности.

Схожие М. Петерсу причины замедления производительности находят экономисты департамента исследований МВФ, выделяя в качестве таковых т. н. проблемы нерационального распределения ресурсов между компаниями, а точнее, «экономические трения, препятствующие эффективному перераспределению ресурсов. Структурные трения, такие как нормативные барьеры, жесткие рынки труда, финансовые ограничения и отсутствие открытости торговли…» (Nan & Diaa, 2024, p. 29). Соответственно, они предлагают уже известный набор «государственных политик» для решения данных структурных проблем — дерегулирование и усиление конкуренции, либерализация финансовых рынков для облегчения доступа компаний к финансовым ресурсам, снижение жесткости рынков труда для свободы перемещения рабочей силы.

Таким образом, представители мейнстрима экономической теории продолжают трактовать фундаментальные проблемы современного мира с позиций догматических схем, выработанных неоклассическим направлением и отшлифованных неолиберальной доктриной «Вашингтонского консенсуса». Хотя авторитетный и популярный либеральный экономист Дж. Стиглиц уже похоронил неолиберализм: «Неолиберальный эксперимент — более низкие налоги для богатых, дерегулирование рынков труда и продукции, финансиализация и глобализация — оказался впечатляющим провалом»[1]. И к его мнению присоединяются все больше западных экономистов, включая в недавнем прошлом таких неолибералов, как, например, нобелевские лауреаты П. Ромер[2] и А. Дитон, причем последний выступил с красноречивым признанием «Переосмысливая мою экономическую теорию» (Deaton, 2024).

Вместе с тем нельзя утверждать, что «расширенный мейнстрим» экономической теории наглухо закрылся от комплекса насущных проблем современности. Некоторые направления, школы и авторы, группирующиеся вокруг глобального проекта CORE Econ, готовы выходить далеко за рамки стандартных догм экономикс: «Более широкий взгляд на экономику делает ее актуальной для решения важных реальных проблем, которые предполагают нерыночное взаимодействие и выходят далеко за рамки традиционно волнующих экономистов вопросов эффективности» (Carlin, 2024, p. 63). Однако, как показывает знакомство с новым учебником «Экономика» (именно Economy вместо Economics), изданным в рамках этого проекта[3], в нем сохранилось базовое неоклассическое миропонимание через парадигму рынков при некотором реструктурировании материала и отказе от деления на два классических раздела — микро- и макроэкономика.

4. «Онтологические ножницы» мейнстрима

Каковы же основные фундаментальные онтологические расхождения («ножницы») между развивающимся реальным миром и его отображением в догматических установках неоклассической теории, которые наиболее выпукло проявля-

[1] Stiglitz, J. (2019, May 30). Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? *The Guardian*. https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronouced-dead-and-buried-where-next (дата обращения: 07.01.2025).

[2] Curran, E. (2024, February 22). Nobel Laureate Paul Romer Says Free Trade Hurts the Vulnerable. *Bloomberg News*. https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-22/nobel-laureate-paul-romer-says-free-trade-hurts-the-vulnerable (дата обращения: 07.01.2025).

[3] CoreEcon. The Economy 1.0. Contents. https://www.core-econ.org/the-economy/v1/book/text/0-3-contents.html (дата обращения: 07.01.2025).

ются сегодня в условиях завершения мирохозяйственной эпохи доминирования США? Этот вопрос неизбежно подталкивает к формулировке следующего: почему именно в последние годы в связи с завершением глобализации эти расхождения стали настолько нетерпимы, что породили серьезный раскол в самом неоклассическом направлении?

Отвечая на первый вопрос, постараемся обобщить и систематизировать многочисленные проблемные положения современного глобального экономического развития, отчасти представленные на рисунке 1.

Пожалуй, первое фундаментальное расхождение экономической теории и практики — это упорное нежелание самого ортодоксального крыла неоклассики признать невозможность создания универсального набора теоретических положений, сохраняющих свою адекватность и равноприменимость для любого этапа долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Отчасти это было продемонстрировано выше на примере объяснения экономистами МВФ причин снижения производительности при росте затрат на инновации. Даже несмотря на общее признание если не кризиса, то, по крайней мере, замедления глобализации (*slowbalization*) — термин, получивший концептуальный статус «новой эры» мирового экономического развития в работе 2023 г. (Aiyar & Ilyina, 2023), когда спустя 15 лет (!!!) после финансового кризиса экономисты МВФ признали все-таки серьезную тенденцию стагнации / сокращения доли мирового товарооборота в мировом ВВП, — предложения по повышению роста производительности формулируются в рамках того же неолиберального «проглобалистического» мировоззрения, которое и привело к снижению производительности.

При этом более глубокие причины «парадокса инноваций» мирохозяйственного характера в виде сокращения рынков сбыта и утери эффекта масштаба для американских компаний из-за перераспределения в пользу китайских и иных компаний просто не рассматриваются. Подобный выход за пределы «прокрустова ложа» догматических схем экономической теории неоклассики не предусматривается, ибо тогда придется признать, что воспеваемые в течении десятилетий глобализации рецепты неолиберальных свобод привели к опережающему росту Китая, превратившегося в глобального конкурента Америки, а это не предусмотрено в системе ценностей неоклассики.

Кроме того, методологический догматизм мейнстрима не позволяет признать ценность и альтернативность китайских рецептов экономического регулирования, построенных на гибком восприятии принципов рыночной экономики. «… государственные органы Китая воспользовались рынками, стимулами для частного сектора и глобализацией в своих интересах. Однако они сделали это с помощью нетрадиционных инноваций — системы ответственности домохозяйств, двойного ценообразования, предприятий на уровне поселений и деревень, особых экономических зон, которые трудно было бы найти в стандартных западных стратегических рекомендациях» (Rodrik, 2024, p. 10).

Более того, конкретная экономическая реальность конкуренции Китая и США на некоторых высокотехнологичных рынках уже настолько противоречит догматам экономикс, прославляющих свободную конкуренцию, что американские компании оказываются в роли отстающих и дискриминируемых передовыми китайскими глобальными корпорациями даже на внутреннем рынке США, как это произошло на перспективном рынке производства солнечной энергии, где глобаль-

ное господство Китая превратилось в серьезную проблему для всех стран Запада (Толкачев, 2024a). В связи с этим, стандартный набор неолиберальных рецептов регулирования, отшлифованный в «Вашингтонском консенсусе», и предназначенный для развивающихся стран, коей недавно считался и Китай, сегодня выглядит запредельно абсурдно. Именно упорный многолетний отказ Китая буквально следовать этим рекомендациям превратил его в промышленного гиганта, захватившего подавляющие позиции даже на домашних рынках стран Запада, из-за чего сменяющиеся лидеры США независимо от партийной принадлежности и при всей политической неприязни друг к другу последние 8 лет проводят отчетливую протекционистскую и промышленную политику с антикитайским акцентом (Толкачев, 2024b).

Второе фундаментальное расхождение догматов неоклассики и экономических реалий, непосредственно вытекающее из первого, — это отсутствие адекватной концепции власти или властных отношений в экономике. Здесь речь не идет о давно разработанных теориях и моделях монополистической власти крупных корпораций на рынках товаров и некогда мощных, но стремительно теряющих свою значимость профсоюзов на рынках труда. И то, и другое продолжает рассматриваться неоклассической ортодоксией как досадное отступление от «просвещенного пуризма» свободных конкурентных рынков как идеального мироустройства. Проблема регулирования данных властных злоупотреблений давно и по-своему плодотворно обсуждается в расширенном мейнстриме, включающем и новую институциональную, и поведенческую экономику. При этом сторонники двух последних течений сетуют на устойчивость т. н. фундаменталистских принципов (либерально-рыночного и регуляторного (пигувианского)) в экономической политике вообще и антимонопольной политике в частности, по сравнению с коузианским функционализмом, оцениваемым ими как более перспективный путь противостояния монопольной власти (Павлова, Шаститко, 2024).

Мейнстрим продолжает игнорировать политико-экономическую природу власти в классическом понимании этого феномена, а не в ракурсе новой политической экономии и теории общественного выбора. Уже более 50 лет назад К. Ротшильд точно подметил, что «power-minded economists and schools» включают только представителей гетеродоксальных школ — марксизма, традиционного институционализма, теории хозяйственного порядка, французской социально-институциональной теории (Rothschild, 1971). В ортодоксальной же неоклассике власть как системная и неотъемлемая характеристика отсутствует или рассматривается как внешний фактор, искажающий естественное равновесное состояние экономической системы.

Даже в претендующем на концептуальную новизну выше упоминавшемся курсе «Экономика», где, казалось бы, проблеме власти уделена целая глава 5 «Собственность и власть: взаимные выгоды и конфликт», последняя рассматривается только как «переговорная сила» в некоей абстрактной игровой модели экономике, определяемой институтами, задающими «правила игры». Пугая читателя значимостью проблемы власти в авторитарных режимах, наподобие Северной Кореи или в преступных организациях, занимающихся торговлей наркотиками и людьми, авторы тут же спешат успокоить его: «В капиталистической экономике демократического общества институты существуют для защиты людей от насилия и принуждения, а также для обеспечения того, чтобы большинство экономических

взаимодействий осуществлялось добровольно»[1]. Тем самым и авторы модернизированного курса «Экономика» не хотят признавать системную роль власти и включать ее в базовые онтологические схемы, предпочитая оставаться в иллюзорном сне «свободных рыночных трансакций».

Нет необходимости перечислять и классифицировать все имманентные проявления власти в капиталистической экономике. Применительно к сфере современных международных экономических отношений на фоне кризиса всей системы Бреттон-Вудских институтов власть как политико-силовой ресурс является главным средством осуществления «свободных экономических взаимодействий». Разгорающиеся торговые, ресурсные и технологические войны между главными центрами современной мировой экономики становятся настолько привычными и неотъемлемыми характеристиками экономической жизни, что упорный отказ затрагивать эту тематику в экономической теории будет лишь все глубже задвигать ее в область отчужденной от реальности абстрактной псевдонауки.

Наконец, третье фундаментальное расхождение, связанное с предыдущими, состоит в отсутствии даже минимального стремления воспринять и концептуализировать качественные сдвиги в экономической жизни под влиянием разворачивающейся новой промышленной революции. И снова речь идет не о многочисленных эмпирических исследованиях функционального и отраслевого характера роли новых технологий в экономике, коими переполнены экономические журналы мейнстрима, а об онтологической систематизации новых технологических и сопутствующих институциональных инноваций и создании более адекватной новым реалиям экономической концепции бытия.

Еще раз подчеркнем, что частным функциональным последствиям и вызовам новой промышленной революции посвящено бесчисленное множество публикаций, однако попытки вписать новые хозяйственные явления в догматический каркас сохраняющихся неоклассических установок выглядят порой даже нелепо и абсурдно. Возьмем для примера статью директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой, посвященную последствиям распространения искусственного интеллекта (ИИ). Пусть по жанру и по форме это не классическая академическая статья, но она характеризует и даже устанавливает рамки мышления неоклассической теории применительно к новым реалиям. Уже в самом начале статьи формулируется противоречивое утверждение: «Мы стоим на пороге технологической революции, которая может дать толчок производительности, стимулировать глобальный рост и повысить доходы во всем мире. Тем не менее она также может устранить рабочие места и углубить неравенство» (Georgieva, 2024). Дальнейшее повествование посвящено влиянию внедрения ИИ на занятость в разрезе категорий работников и стран. Ссылаясь на исследование МВФ, автор отмечает, что внедрение ИИ несет развитым странам больше рисков, но и больше возможностей, чем двум другим группам стран с развивающимися рынками и низкими доходами. ИИ усилит поляризацию доходов наемных работников, причем как низко, так и высококвалифицированных. В целом это неизбежно приведет к усилению дифференциации доходов. В конце статьи К. Георгиева демонстрирует разброс значений по странам Индекса готовности к ИИ, разработанного в МВФ, и выражает надежду, что в «наступившей эре искусственного интеллекта в наших силах обеспечить всеобщее процветание».

[1] CoreEcon. The Economy 1.0. Unit 5. Property and Power. Mutual Gains and Conflict. https://www.core-econ.org/the-economy/v1/book/text/05.html#51-institutions-and-power (дата обращения: 07.01.2025).

Конечно, нельзя отрицать наличие попыток концептуального переосмысления экономического мировоззрения со стороны отдельных представителей расширенного мейнстрима. Например, существующая с мая 2011 г. Всемирная ассоциация экономической теории (World Economics Association — WEA) и объединяющая 14500 экономистов-теоретиков, стремится повысить актуальность, широту и глубину экономической мысли. WEA выступает за плюрализм и свободное изучение экономической реальности, признает снижение уровня компетентности экономистов-теоретиков, делает упор на взаимодействие теории с реальным миром и для этого уделяет особое внимание методологии, философии и этике экономической теории[1].

WEA издает три журнала, основной из которых носит характерное название «Экономическая теория реального мира» (Real-World Economics Review). Каждый выпуск этого журнала, коих насчитывается уже 109, поскольку начат гораздо раньше учреждения самой ассоциации, еще в 2000 г., содержит несколько критических и концептуальных статей, посвященных переосмыслению фундаментальных положений неоклассики. Например, один из активных деятелей ассоциации, австралийский профессор С. Кин, в статье с хлестким публицистическим названием «Мертвый попугай экономической теории мейнстрима» остро полемизирует со всемирно известным профессором Н.Г. Мэнкью по, казалось бы, давно общепринятому теоретическому вопросу о банковском мультипликаторе, доказывая иллюзорность тех азбучных положений о деньгах, которыми насыщены любые начальные учебники экономикс (Keen, 2023).

Выборочный взгляд на публикуемые в Real-World Economics Review статьи показывает сколь угодно неограниченный уровень радикальности обсуждаемых проблем и предложений. Например, на фоне критики суперпопулярных сейчас теорий циркулярной экономики с нулевыми отходами провозглашается идея экономики отрицательного роста с отменой капитализма как системы, поскольку он эскалирует энтропию (Rammelt, 2024). Специальный выпуск журнала, затем трансформировавшийся в монографию, посвящен обсуждению экономической теории, учитывающей биофизические преграды для экономического роста (Fullbrook & Morgan, 2024).

Таким образом, в среде университетской профессуры всего мира, группирующейся в WEA и озабоченной падающим авторитетом и адекватностью мейнстримной экономикс, нарастают радикальные альтернативные концепции экономической действительности. Со временем накопленный набор концептуальных предложений должен трансформироваться в консенсусный набор аксиоматики, дающий адекватное описание сложившихся реалий.

5. Выводы

Происходящий в настоящее время переход к новой модели мирохозяйственного устройства сделал предельно очевидной онтологическую несостоятельность не только «защитного пояса» неоклассической экономической теории, но и ее «жесткого ядра». Экономическая практика накапливает массовые явления и закономерности, которые противоречат ограниченному догматическому базису экономикс, даже несмотря на попытки его реструктуризации и дополнения теоретическими концептами иных направлений, составляющих вместе «расширенный мейнстрим» современной экономической науки.

[1] World economics association. Manifesto. https://www.worldeconomicsassociation.org/wea/manifesto/ (дата обращения: 07.01.2025).

Неизбежность радикальной трансформации существующей ортодоксии была обоснована нами в рамках концепции цикличности долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития (Толкачев, 2024с). Новый мирохозяйственный порядок, даже если он сформируется не по лекалам теории смены мировых центров накопления капитала Дж. Арриги, потребует от экономистов-теоретиков новую «картину мира» с иными базовыми онтологическими и гносеологическими принципами.

Происходящие фундаментальные трансформации технологического базиса (Четвертая промышленная революция), основополагающих институтов и архитектуры будущего мироустройства еще далеки от завершения, поэтому пока не ясны парадигмальные основы новой экономической теории. Однако, обобщая сложившиеся «болевые точки» неоклассики, можно предположить, что новая парадигма будет формироваться в русле следующих трендов.

Во-первых, безусловный отказ от принципа методологического индивидуализма как основы экономического поведения основных агентов. Комплекс экологических, ресурсных и биофизических императивов экономического развития, представляющий важнейшую часть онтологических расхождений теории и практики, заставит принять и отработать ту или иную версию методологического холизма как основополагающего принципа новой экономической теории.

Во-вторых, вытекающие из предыдущего отказ или значительная корректировка принципа «рыночного супрематизма», являющегося, пожалуй, главной содержательной характеристикой неоклассики уже более 100 лет. «Супрематизм» рынка мы воспринимаем не только как начальную и господствующую над всеми другими базовыми формами восприятия и мышления (как товар в качестве элементарной «клеточки» у К. Маркса), но и как абсолютизацию универсальности формы над конкретными содержательными характеристиками явлений. Понятно, что отказ от универсализации мышления в рамках «рыночного супрематизма» приведет к радикальному пересмотру всей аксиоматики мейнстрима, включая место и роль институтов частной собственности и государства.

В-третьих, существенная корректировка основополагающего принципа эффективности экономической деятельности на всех хозяйственных уровнях путем интеграции его в более широкий холистический принцип устойчивости или стабильности экономических систем.

Происходящие на наших глазах глобальные технологические и мирохозяйственные сдвиги создают новую модель мироустройства, которая неизбежно потребует создания новой адекватной себе экономической картины мира. Впереди настолько радикальные изменения в концептуальном образе экономической теории, что сегодня они пока еще не могут полноценно восприниматься господствующим сообществом как в силу огромного инерционного потенциала существующей ортодоксии, так и по причине длительности переходного периода с неизбежными реверсными тенденциями.

Список источников

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* Москва: Издательский дом «Территория будущего», 472.

Аузан, А. А., Мальцев, А. А., Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26

Балацкий, Е. В., Юревич, М. А. (2020). Технологический эффект масштаба и экономический рост. *Terra Economicus, 18* (1), 43–57. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-43-57

Павлова, Н. С., Шаститко, А. Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? *Вопросы экономики,* (1), 94–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114

Толкачев, С. А. (2024a). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы, 3* (4), 5–13.

Толкачев, С. А. (2024b). Американский промышленный консенсус и его враги. *США & Канада: экономика, политика, культура, 54* (12), 45–59. https://doi.org/10.31857/S2686673024120047

Толкачев, С. А. (2024c). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

Aiyar, S., & Ilyina, A. (2023, February 8). Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/08/charting-globalizations-turn-to-slowbalization-after-global-financial-crisis (дата обращения: 07.01.2025).

Akcigit, U. (2024). The Innovation Paradox. *Finance & Development, 61* (3), 32–35.

Carlin, W. (2024). Transforming Economics Teaching. *Finance & Development, 61* (1), 62–63.

Deaton, A. (2024). Rethinking My Economics. *Finance & Development, 61* (1), 18–19.

Fullbrook, E., & Morgan, J. (Eds.) (2024). *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. World Economics Association Books.

Georgieva, K. (2024, January 14). AI Will Transform the Global Economy. Let's Make Sure It Benefits Humanity. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity (дата обращения: 07.01.2025).

Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development, 61* (1), 22–23.

Keen, S. (2023). The Dead Parrot of Mainstream Economics. *Real-World Economics Review,* (104(3)), 2–16.

Li, N., & Noureldin, D. (2024). Eliminating the Productivity Drug. *Finance & Development, 61* (3), 22–23.

Mankiw, N. G. (2006). The Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Journal of Economic Perspectives, 20* (4), 29–46.

Peters, M. (2024). America must rediscover its dynamism. *Finance & Development, 61* (3), 21–23.

Rammelt, C. (2024). How entropy drives us towards degrowth. *Real-World Economics Review,* (107), 2–7.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance & Development, 61* (1), 10–11.

Rothschild, K. W. (1971). Introduction. In K. W. Rothschild (Ed.), *Power in Economics* (pp. 7–17). Penguin.

World Economic Forum. (2024). *The Global Risks Report 2024*. (19th ed.). https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 07.01.2025).

References

Aiyar, S., & Ilyina, A. (2023, February 8). Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/08/charting-globalizations-turn-to-slowbalization-after-global-financial-crisis (Date of access: 07.01.2025).

Akcigit, U. (2024). The Innovation Paradox. *Finance & Development, 61* (3), 32–35.

Arrighi, G. (2006). *Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times]*. Moscow: "Territoriya budushchego" Publishing House. (In Russ.)

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russ.)

Balatsky, E. V., & Yurevich, M. A. (2020). Technological economies of scale and economic growth. *Terra Economicus, 18* (1), 43–57. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-43-57 (In Russ.)

Carlin, W. (2024). Transforming Economics Teaching. *Finance & Development, 61* (1), 62–63.

Deaton, A. (2024). Rethinking My Economics. *Finance & Development, 61* (1), 18–19.

Fullbrook, E., & Morgan, J. (Eds.) (2024). *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. World Economics Association Books.

Georgieva, K. (2024, January 14). AI Will Transform the Global Economy. Let's Make Sure It Benefits Humanity. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity (Date of access: 07.01.2025).

Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development, 61* (1), 22–23.

Keen, S. (2023). The Dead Parrot of Mainstream Economics. *Real-World Economics Review,* (104(3)), 2–16.

Li, N., & Noureldin, D. (2024). Eliminating the Productivity Drug. *Finance & Development, 61* (3), 22–23.

Mankiw, N. G. (2006). The Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Journal of Economic Perspectives, 20* (4), 29–46.

Pavlova, N. S., & Shastitko, A. E. (2024). Microfoundations of dominance of fundamentalism in economic policy: Is there an antidote? *Voprosy Ekonomiki,* (1), 94–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114 (In Russ.)

Peters, M. (2024). America must rediscover its dynamism. *Finance & Development, 61* (3), 21–23.

Rammelt, C. (2024). How entropy drives us towards degrowth. *Real-World Economics Review,* (107), 2–7.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance & Development, 61* (1), 10–11.

Rothschild, K. W. (1971). Introduction. In K. W. Rothschild (Ed.), *Power in Economics* (pp. 7–17). Penguin.

Tolkachev, S. A. (2024a). U.S.-China Rivalry in the U.S. Solar Market. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy [World Economy and World Finance], 3* (4), 5–13. (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024b). The American Industrial Consensus and its Enemies. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 54* (12), 45–59. https://doi.org/10.31857/S2686673024120047 (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024c). The Cyclical Nature of Transformations in Economic Orthodoxy. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20 (In Russ.)

World Economic Forum. (2024). *The Global Risks Report 2024*. (19th ed.). https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (Date of access: 07.01.2025).

Информация об авторе

Толкачев Сергей Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, главный научный сотрудник Института глобальных исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; https://orcid.org/0000-0003-3766-2246 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр., 49/2; e-mail: tsa2000@mail.ru).

About the author

Sergei A. Tolkachev — Dr. Sci. (Econ.), Professor of Department of Economic Theory, Leading Research Associate of the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of Russian Federation; https://orcid.org/0000-0003-3766-2246 (49/2, Leningradsky prospect, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: tsa2000@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 12.12.2024.
Прошла рецензирование: 19.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 12 Dec 2024.
Reviewed: 19 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.